

ДОМ

Сергей в очередной раз посмотрел по сторонам и разочарованно вздохнул. Они специально с Машей выбрали это место, чтобы в тишине и умиротворении писать свои дипломные работы. Здесь, в Волговерховье, мест для хорошего пейзажа было предостаточно. Уже давно, на втором курсе художественного колледжа, он решил, что на его картине будет изображен исток Волги. А Маша устроилась неподалеку от истока на небольшой возвышенности, где открывался прекрасный вид Ольгинского монастыря. И надо же — именно сегодня приехал автобус со школьниками на экскурсию. Сергей уже понемал, что день потерял, и сосредоточиться будет сложно. Зато Машка писала как ни в чем не бывало, хотя вокруг стояла группа ребят и что-то бурно обсуждала, тыча пальцем на ее полотно.

Он посмотрел на свою работу и подумал: «Еще дня три трудиться, а потом можно дорабатывать дома». Но тут все изменилось. Всех школьников стали собирать в одном месте, вероятно, на какое-то мероприятие, и перед Сергеем вновь открылся такой простой, но полный русского величия исток Волги. Все дети убежали, но один мальчик остался, мирно пристроившись на приступке, ведущем к воде, сразу около деревянной часовни. Мирно читая книгу, он не обращал внимания ни на кого. Сергей решил, что этот тихий парнишка, лет двенадцати, точно не помешает ему вернуться к работе, и начал разводить на палитре нужный цвет. Кажется, что прошло уже несколько часов, потому что солнце стало мягко обволакивать, а не жечь, когда на поляне вновь раздались крики. Всех собирали в автобус. Сергей посмотрел в сторону часовни и, к своему удивлению, опять увидел там читающего мальчика. Оставив мольберт, он прошел до середины мостика, ближе к часовне, и крикнул: «Пацан, у тебя все в порядке? Там все в автобус садятся!» Тот словно очнулся от чтения, встал и резко побежал к автобусу. Проводив его взглядом, Сергей задумался. Этот мальчик ни с кем не общается. Почему? Может у него что-то случилось, а может у него проблемы с одноклассниками. Рассуждая, он медленно приближался к тому месту, где сидел парнишка, и тут увидел забытую книгу. Времени было мало.

Он схватил ее и быстрее побежал к автобусу. Но было поздно, автобус уже скрылся за поворотом.

Солнце уходило на покой, оставляя за собой темно-красную полосу вдоль линии горизонта, осветив напоследок каждый уголок этого священного места. Маша стояла с собранным мольбертом и смотрела на читающего Сергея, который не замечал ни ее, ни наступающего вечера.

— Что это за книга? Я тебя таким увлеченным видела только за обедом, — Маша улыбнулась и села рядом.

— Я сам думал, что это книга. Жесткий переплет, толстая. А потом открыл, и вот... — Сергей протянул Маше толстый блокнот, на каждой странице которого были графические рисунки. Это были здания: старинные, современные, недостроенные, обрамленные ландшафтным дизайном. Все линии были совершенны, мастерски соблюдены пропорции, словно человеческий гений трудился здесь над каждой линией, каждой страницей.

— О, Сергей Сергеевич, поздравляю, ты нашел тетрадь Леонардо!

— Маш, она явно ценная. Ее надо вернуть. А мы даже не знаем, из какой они были школы.

— Это ты не знаешь! С таким лицом стоял, что не удивлюсь, если тебя комары облетали. Я же активно общалась. Они не из школы, а из лагеря.

Через три дня, упаковав вещи, Сергей и Маша выдвинулись по направлению к детскому лагерю «Чайка». Сергей был задумчив.

— Маш, знаешь, а я ведь ее всю изучил. Искал в интернете. Хотя бы похожие рисунки. Нет там ничего такого.

— Тогда откуда она?

— Не знаю. Я сфотографировал и отправил десяток страниц одному профессору с нашей кафедры архитектуры.

— Откуда ты его знаешь?

— Он хороший друг отца. Часто бывает у нас в гостях.

— Тогда ждем ответа.

— А ответ уже пришел.

Маша остановилась и выжидательно посмотрела на Сергея. — И?

— Срочно просит познакомить его с тем, кто это нарисовал.

— Итак, загадка номер один — откуда это гениальное творение оказалось в руках ребенка? Загадка номер два — как здесь его найти? Ты лицо запомнил? — они стояли перед большими воротами детского лагеря «Чайка».

Директор лагеря уже пятнадцать минут медленно перелистывала страницу за страницей заветной тетради, периодически восклицая: «Очень интересно!» Наконец-то в кабинет вошла воспитатель отряда, которая ездила на экскурсию к истоку Волги.

— Екатерина Викторовна, вы знаете, что один из детей вашего отряда не принимал участия в мероприятии, а просидел один несколько часов, читая вот это, — она протянула тетрадь молодой воспитательнице.

— Конечно, знаю. Кирилл Макаров. Мне воспитатель из детского дома сказала, что у Кирилла проблемы в общении. И попросила не давить на него, просто наблюдать, чтобы с ним было все в порядке. Они надеялись, что лагерь ему поможет в социализации. А эта тетрадь — она всегда с ним.

Маша, которая до этого момента никак не проявляла себя, неожиданно всех перебила:

— Он из детского дома?!

— Да, — Екатерина Викторовна тяжело вздохнула, — у него бабушка-опекун, а живет он в детском доме.

— А здесь, в лагере, он хоть с кем-нибудь общался? — Сергей вспомнил испуганный взгляд мальчишки, когда он к нему обратился.

— Да. Скорее не он, а с ним общается Оля Пахомова. Она взяла над ним шефство. Пойдемте в отряд, Кира будет очень рад, что тетрадь найдена.

Валентина Петровна работала директором детского лагеря уже больше двадцати лет. За это время случалось всякое, и ребята были разные. Поэтому она спокойно взяла тетрадь из рук Екатерины Викторовны.

— Давайте до выяснения, что это за тетрадь и откуда она, ничего не предпринимать. Всякое бывает. Лучше позовите и Кирилла, и Олю. Только давай-те все переместимся в более располагающую обстановку. Пойдемте в художественную мастерскую.

Сергей и Маша с восхищением разглядывали работы ребят из лагеря, когда вошли Кирилл и Ольга, высокая, на целую голову выше Кирилла, красивая девочка с очень длинной косой, перекинутой через плечо. Рядом с ней Кирилл казался маленьким воробушком. Худой, растрепанный, с большими карими глазами, которые выражали полную растерянность. Но когда он увидел тетрадь, его лицо озарила невероятно светлая улыбка. Он преобразился моментально, приведя теперь в растерянность окружающих.

Валентина Петровна на правах главной заговорила первая:

— Кирилл, скажи, пожалуйста, откуда у тебя эта тетрадь?

— Это моя.

— Понятно, что твоя. Но откуда ты ее взял? Может быть, тебе ее кто-то

дал? Кто?!

— Она моя.

Было видно, как он закрывался, словно прятался ото всех, превратившись

в того же воробушка.

Оля, видя, что происходит с ее товарищем, взяла его за руку и заговорила

громко, почти выкрикивая каждое слово:

— Он не обманывает! Это его тетрадь. Это все он сам нарисовал.

Сергей переглянулся с Машей и, чуть заметно, разочарованно усмехнулся. — Мне жаль, но это невозможно. Это рука взрослого человека. Я бы даже

сказал, талантливое человека.

Оля повернулась к Кириллу и очень требовательно посмотрела ему в глаза. — Ты должен им показать! Пожалуйста! Никто никогда не поверит. По-

жалуйста!

Она подошла к мольберту, поставила на него лист бумаги, взяла карандаш

и вложила его в руку Кирилла.

— Ты же хочешь, чтобы тебе отдали тетрадь? Просто рисуй.

Не каждому человеку в этом мире представляется уникальная возмож-

ность увидеть, как работает человеческий гений. Это завораживает и уносит далеко от реальности. Это можно сравнить с музыкой, со звездным небом, с любовью матери. Все стояли и не могли оторвать взгляда от карандаша, который казался живым в руках этого мальчика. Когда рождается истинное творчество, то минуты, часы, время не имеют значения.

Они смотрели на рисунок здания, окруженного красивыми клумбами и фонтанами, и не могли оторваться. Что-то знакомое и, вместе с тем, неизведанно-прекрасное было изображено на бумаге. Кирилл положил карандаш, а Оля подошла к Валентине Петровне, которая передала ей тетрадь.

— Что это? — Маша подошла к Кириллу.

— Это наш лагерь. Я его так вижу...

Маша широко улыбнулась.

— Вот почему этих зданий не существует. Ты берешь известные сооруже-

ния и усовершенствуешь их.

Все молчали. Ольга привычным жестом взяла Кирилла за руку.

— Теперь мы можем пойти в отряд?

Через два дня в том же кабинете директора сидели Сергей, Маша и профес-

сор кафедры архитектуры Шилов Николай Александрович. Уже целый час они никак не могли договориться. Профессор был спокоен и сдержан.

— Вы поймите, уважаемая Валентина Петровна, что этот мальчик может стать великим архитектором, а может остаться никем. Наша земля всегда была богата великими умами, но может быть пора прославить ее вновь?

Сергей немного откашлялся, чтобы привлечь внимание.

— Я тогда не только профессору его работы отправил, а еще на международный архитектурный студенческий конкурс. Через два месяца финальный тур в городе Хандан. Это в Китае.

— Вы очень поторопились. Этому ребенку не Китай нужен, а психологическая помощь. И я хочу Вас спросить, профессор, почему вы хотите помочь этому ребенку? Вы же понимаете, что он всему выучится и уедет, как многие другие.

— Конечно, понимаю.

Целый день в кабинете директора шли бурные дебаты. Даже приехал известный архитектор из Петербурга. Все понимали, что должны объединиться и помочь Кириллу. Но как это сделать, когда он ни с кем не идет на контакт?

Жизнь лагеря шла своим чередом, но никогда еще здесь не было такой насыщенной смены. Особо невероятное творилось в четвертом отряде. Постоянные тренинги, беседы, мастер-классы, а вечерами самодеятельный театр, сказки и песни у костра. Ребята словно попали в какую-то стремительную, полную творчества и развития жизнь. Сергей и Маша приезжали с художественными мастер-классами. Каждый раз они пытались завести с Кириллом разговор, но тот только отмалчивался и старался поскорее уйти. Психологи как один сказали, что никакого

психического заболевания у Кирилла нет, а есть добровольная социальная изоляция, и быстро это не поправить. Единственным человеком, к которому он по-настоящему привязался, была Оля. Каждый вечер они сидели на траве и, глядя на заходящее солнце, мечтали. Правда, каждый о своем, но это не мешало им чувствовать душевное тепло друг друга.

До конца смены оставалось всего четыре дня, и всем уже было понятно, что пробиться к сердцу мальчика не получилось. Николай Александрович с Сергеем и Машей сидели в беседке. Оля и Кирилл пришли попрощаться.

— Знаешь, Кирилл, — профессор выглядел немного задумчивым, — в середине 18 века недалеко от Торжка родился мой тезка, Николай Александрович Львов. Он не получил специального образования, но был необычайно одарен. Его архитектурные постройки есть в Москве, Петербурге, Смоленске, и есть они здесь, в Тверской губернии. Много званий и чинов он получил за жизнь, но главное — это сооружения, которые до сих пор украшают Россию. И мы горды тем, что он родился на нашей земле, любил ее, прославлял ее. Ты тоже одарен и имеешь большие возможности прославить свой край. Но вот захочешь ли?

Они уходили, а Кирилл чувствовал, что к горлу подкатывают слезы. Оля стояла рядом и смотрела на уходящих ребят и профессора. И тут Кирилл не выдержал и подбежал к Николаю Александровичу.

— Я всегда мечтал просто иметь свой дом. Эта тетрадь — мои мечты о доме. Я думал, что вырасту и построю нам с бабушкой дом. И мы будем счастливы.

— Просто не бывает. Самая счастливая жизнь — это жизнь, прожитая для других. Но она самая непростая.

Так бы они и стояли, глядя друг другу в глаза, словно завоевывая доверие, но тут к ним подбежал Коля Баринов и, задыхаясь от бега, еле выговорил:

— Там... Побежали... Срочно! Нужна помощь!

Кирилл и Ольга бежали к дальнему забору лагеря, который примыкал к лесу. Уже издали было видно, как ребята из их отряда сидели на корточках, а перед ними стояла старая огромная дворняга. Ее шерсть свалялась в грязные комья, а одна лапа была подвернута и явно перебита. Она скулила и тыкала грязным носом в маленького, недавно родившегося котенка. Как будто говорила ребятам: «Я старая и мне трудно о нем заботиться. Ему холодно, его надо кормить. Помогите». Ребята смотрели на эту картину с невероятным состраданием к котенку, а еще больше — к его отчаявшейся няньке. Девочки всхлипывали, мальчики изо всех сил держались.

Оля Пахомова, как самая авторитетная девочка в отряде, взяла решение вопроса на себя.

— Вы уже их покормили?

— Конфеты давали, они не едят. Больше ничего не было, — Коля виновато пожал плечами.

— Задачи три. Надо устроить для них жилье и хорошо покормить.

— А какая третья? — все посмотрели на Олю.

— Дать им имена.

Через несколько минут все уже называли старую собаку Графиней, а ко-

тенок за его полосатость — Тигренком. Девочки стали решать, где найти коробку для домика и что в нее положить.

— Я могу помочь построить для них дом.

Никто сразу даже не понял, что эти слова сказал Кирилл. И только Оля радостно улыбнулась своему другу, словно ждала от него этого предложения.

— Кира! Спасибо! Ты тогда нарисуй его и скажи нам, что делать.

Кирилл раскрыл тетрадь, с которой он никогда не расставался, и буквально за пять минут нарисовал необыкновенный домик. Это было двухэтажное здание с боковыми ступеньками на второй этаж, арочными удобными входами и небольшими верандами. Дом казался сказочно-уютным и удобным. Все, ахая от восторгов, собрались вокруг рисунка и даже на минуту забыли о своих новых подопечных.

— Теперь нужно много палок, прутьев и пакетов. Каждая палка и прут должны быть определенной длины. Мерить будем, как в старину, локтями и аршинами.

Началась настоящая работа. Девочки раздобыли молока, йогурта, печенья, а потом с большим умилением наблюдали за тем, как Графиня толкает Тигренка к крышке с молоком. Сама она не ела, пока не насытился малыш.

Пока ребята искали и собирали палки, прутья и доски, в кабинет директора вбежала Екатерина Викторовна.

— Валентина Петровна, там такое! На территорию пришла собака с котенком, у меня весь отряд строит дом.

— Весь? А Кирилл?

— Он тоже строит.

— Тоже? — Валентина Петровна даже присела от удивления.

— Он ими руководит.

Валентина Петровна сделала значительную паузу, словно вспоминала по-

следнюю неделю и профессора.

— Все правильно, Катя. Коллективный труд — вот величайший целитель! Пока ребята строили дом, пришла врач и обработала ножку Графини. Из

столовой принесли еще молока и две новенькие блестящие миски. Валентина Петровна пришла с небольшим вязаным ковриком. Через три часа дом был готов. Заселение прошло шумно, радостно и с девчачьими слезами, которые теперь лились не от жалости, а от радости.

Оля и Кирилл сидели на своем любимом месте и провожали солнце.

— Ты сегодня построил свой первый дом. Когда ты будешь мировой знаменитостью, я всегда буду следить за твоими успехами. А потом пришлю тебе фотографию твоего первого дома для бездомных. Ты согласишься на нее и вспомнишь всех нас.

— Я никогда и не забуду всех вас.

Прошли годы. В кабинете профессора висели фотографии, на которых уже повзрослевшему Кириллу вручали самые престижные премии по архитектуре в Японии, Китае, Лондоне, Берлине. Кирилл на этих фотографиях выглядел очень счастливым и возмужавшим, только волосы были по-прежнему растрепаны как у воробушка.

Оля окончила университет и стала детским психологом. А вот Сергей стал преподавать в художественном колледже, в котором когда-то учился.

В один из солнечных дней, как и каждый раз в конце года, он вез своих студентов к истоку Волги на пленэр. Ребята разделились на две группы: большинство из них село писать исток, а некоторые устроились на невысокой возвышенности, с которой открывался прекрасный вид на Ольгинский монастырь.

И тут Сергей увидел высокого молодого парня с растрепанной головой и знакомой тетрадь в руке. Он стоял около часовни и смотрел на воду. Сергей подошел и встал рядом. Кирилл взглянул на него и пожал руку, продолжая смотреть на воду.

— Знаешь, мне еще давно профессор сказал, что самая счастливая жизнь — это жизнь, прожитая для других. Я долго потом над этими словами думал. Особенно о том, кто для меня «другие».

— И что в итоге надумал?

— Что я всем обязан вам, своим друзьям, профессору и вот этому истоку. Я почувствовал благодарность. И знаешь что?

— Что?

— Ради всего этого можно пожертвовать даже славой. Будем строить прекрасные дома здесь, дома.